

— Или, может быть... — Ван Чжэнь слегка потянул Тан Шэня за запястье, притягивая к себе. Затем он отпустил его, перестав удерживать силой, и, склонив голову, посмотрел на него. Его голос звучал искушающе, когда он отчетливо произнес каждое слово: — Или, может быть, ты злишься на то, что вынужден жить в постоянном страхе? Злишься на свое положение, с которым ничего не можешь поделать?

Тан Шэнь широко раскрыл глаза, лишившись дара речи от этого вопроса.

Ван Чжэнь смотрел на него. По идее, такой растерянный вид Тан Шэня должен был показаться ему забавным. Но сейчас ему было совсем не до веселья. На душе скребли кошки, к досаде примешивалась щемящая нежность, которую он не мог проигнорировать. Спустя долгое время он вздохнул и, подняв голову, сказал стоявшему за дверью гостиней управляющему:

— Подавайте ужин. И добавьте еще один прибор.

Вскоре из кухни подали накрытый стол. Жареная сельдь-гильза, тушеная свинина с побегами бамбука, суп из зимней горчицы — все это были привычные Тан Шэню блюда кухни Цзяннаня.

Тан Шэнь не планировал оставаться на ужин, но раз уж Ван Чжэнь пригласил его, отказываться было неудобно.

Держа в руках палочки, Тан Шэнь смотрел на простые, но изысканные блюда, совершенно не чувствуя голода. Он держал пиалу в руке, погруженный в свои мысли, но ничем не выдавал своего смятения. Спустя пару мгновений Тан Шэнь с самым невозмутимым видом подцепил кусочек копченой свинины, положил в пиалу и принялся жевать, не чувствуя вкуса еды.

Спустя некоторое время раздался мягкий, чистый голос:

— Младший брат, никогда не замечал, чтобы ты молчал за едой.

Тан Шэнь опешил и поднял глаза на Ван Чжэня:

— Брат Цзыфэн?

Ван Чжэнь почти не притронулся к рису в своей пиале и к блюдам на тарелках. Отложив палочки и не дожидаясь ответа Тан Шэня, он продолжил:

— У учителя ты вел себя иначе. Во время трапезы ты часто вел с ним беседы.

Тан Шэнь помолчал немного, а затем ответил:

— Я думал, брат считает, что благородный муж должен следовать правилу: не разговаривать ни за едой, ни перед сном.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Вот видишь, ты меня превратно понял. Разве я когда-нибудь говорил, что придерживаюсь этого правила? Кстати, я слышал, недавно тебя повысили до императорского писца.

— Да, это случилось еще в прошлом месяце.

— И как, случалось ли что-нибудь интересное?

Мало-помалу завязался разговор.

С наступлением одиннадцатого месяца погода становилась все холоднее. Когда Тан Шэнь пришел навестить Ван Чжэня, уже стемнело, а когда Ван Чжэнь вернулся и они сели ужинать, наступил час Сюй. Закончив трапезу, Тан Шэнь наотрез отказался задерживаться дольше. Ван Чжэнь хотел оставить его на ночь:

— Уже поздно. Младший брат, почему бы тебе не переночевать в Резиденции министра?

Тан Шэнь со всей серьезностью ответил:

— Благодарю за доброту, брат, но завтра моя очередь нести службу. Поместье Таньхуа совсем рядом, мне будет несложно вернуться домой.

Ван Чжэнь не знал, смеяться ему или плакать:

— Надо же, близость твоего дома теперь стала причиной для отказа.

Тан Шэнь не расслышал:

— Что ты сказал, брат?

— Ничего.

Ван Чжэнь лично проводил Тан Шэня до ворот. Тан Шэнь произнес:

— Пожалуйста, не провожай меня дальше, брат. Я пойду.

Однако Ван Чжэнь возразил:

— Младший брат, ты так и не ответил, на что же ты сегодня злился.

У Тан Шэня аж голова разболелась.

«Да как ты до сих пор об этом помнишь!»

В чернильной ночной тьме лишь молодой месяц тускло освещал небосвод. Управляющий с фонарем стоял поодаль. Тан Шэнь и Ван Чжэнь стояли друг напротив друга, но из-за темноты, несмотря на близость, Тан Шэнь не мог разглядеть лица Ван Чжэня — лишь его глаза, светящиеся смешинками.

Ван Цзыфэн был из тех людей, кто даже при обсуждении самых неловких вопросов умел держаться так безупречно, что и придаться было не к чему.

Но как Тан Шэню было ответить на это?

Обдумав все так и эдак, он решил воспользоваться тем, что ему всего шестнадцать, и выбрать более ребяческий ответ. Тан Шэнь сказал:

— Я злился, потому что брат подшутил надо мной. Я с лучшими намерениями привез брату гостинцы из Гусу и долго прождал тебя в Резиденции министра. А ты мало того что не разбудил меня, когда вернулся и застал спящим, так еще и разыграл.

Ван Чжэнь протянул:

— Вот оно что.

— Именно так.

— Младший брат, а каким человеком ты меня считаешь?

Тан Шэнь растерялся и, глядя на улыбающееся лицо Ван Чжэня, не нашелся с ответом.

Ван Чжэнь велел управляющему идти к себе, а сам взял у него из рук фонарь и, указав на него Тан Шэню, спросил:

— Как думаешь, похож ли я на этот фонарь?

Тан Шэнь окончательно запутался. При чем тут вообще фонарь?

Тан Шэнь не понимал намерений Ван Чжэня, но разум его названного брата никогда не подчинялся логике обычных людей.

Похоже, Ван Чжэнь устраивал ему проверку. Тан Шэнь не смел отвечать наобум, но лезть еще никогда не подводила. И он сказал:

— Брат подобен этому фонарю — чист и светел. За те два года, что я провел в Шэнцзине, ты всегда заботился обо мне. Вначале я был лишь скромным сюцаем, а теперь, оглядываясь назад, диву даюсь, как все изменилось. Брат осветил мне путь.

Под конец в словах Тан Шэня даже прозвучала искренность. Действительно, после приезда в Шэнцзин именно Ван Чжэнь заботился о нем больше всех, и относился он к нему по-настоящему хорошо.

Однако Ван Чжэнь покачал головой:

— Значит, вот какого ты обо мне мнения, младший брат.

Тан Шэнь пробормотал:

— ...Тогда что же брат имел в виду, приводя в пример этот фонарь?

Ван Чжэнь покачал фонарем и с улыбкой спросил:

— Разве младший брат не считает, что я — мужчина, какого днем с огнем не сыщешь?

Тан Шэнь:

«...»

«Ван Цзыфэн, с каких это пор ты стал отпускать плоские шуточки!»

Ван Чжэнь, ничуть не смутившись, поднес фонарь к лицу:

— Когда фонарь освещает мне лицо, он не освещает ноги. А когда освещает ноги — не видно лица. Младший брат, ты пришел ко мне с таким крошечным фонариком, как же ты надеешься разглядеть меня целиком?

Тан Шэнь уловил в словах Ван Чжэня скрытый смысл, но не сразу смог до конца его осмыслить. Тем временем Ван Чжэнь уже вложил фонарь ему в руку и с улыбкой произнес:

— Но видишь ли ты мое лицо или мои ноги, младший брат, это в любом случае я. А я — твой старший брат. Ступай, дальше провожать не буду.

Тан Шэнь ошеломленно посмотрел на Ван Чжэня.

Вернувшись домой, Тан Шэнь поставил подаренный Ван Чжэнем фонарь на письменный стол и молча уставился на него.

Прошло немало времени. В тишине кабинета тихо треснул фитиль свечи, и Тан Шэнь мгновенно очнулся.

«Он говорит, что я совсем не знаю его настоящего, не ведаю, каков он на самом деле. Но много ли в этом мире людей, знающих истинного Ван Цзыфэна? Да он и не давал мне такого шанса...»

В кабинете снова на некоторое время воцарилась тишина.

«...Ты мой старший брат?»

Глаза Тан Шэня на миг блеснули, но тут же погасли.

«Как же мне все-таки относиться к тебе, Ван Цзыфэн!»

Словами о том, что он старший брат Тан Шэня, Ван Чжэнь давал понять: младшему не нужно так сильно его озабочивать и трепетать перед ним. Но хотя Тан Шэнь и разгадал этот намек, поступить так он не мог. По крайней мере сейчас он все еще не смел полностью доверять Ван Чжэню и вести себя с ним непринужденно.

Глядя на фонарь, Тан Шэнь вздохнул:

— Тебя, пожалуй, не то что с бумажным фонарем — с карманным фонариком не сыщешь...

Больше он к Ван Чжэню не ходил. Через три дня наступил выходной Тан Шэня. Рано утром, переодевшись в простое холщовое платье и прикинувшись слугой, он вместе с Яо Санем и управляющим Лу сел в повозку. На рассвете, когда окончательно рассвело, повозка незаметно покинула Шэнцзин и направилась на север.

Они ехали на север, и через день пути тройца прибыла в городок Лохэ.

Городок Лохэ находился прямо на границе Великой Сун и Государства Ляо.

Тан Шэнь всегда находил отношения между Великой Сун и Государством Ляо в этом мире крайне причудливыми. С одной стороны, обе страны некогда вели войну не на жизнь, а на смерть, которая в итоге измотала обе стороны, так что никто не смог одержать верх. С другой стороны, после подписания мирного договора они поддерживали видимость согласия, хотя подспудно кипели нешуточные страсти.

На Северо-Западе совершались набеги разбойников, грабивших приграничные деревни. Будучи императорским писцом, Тан Шэнь не раз слышал доклады чиновников об этом. Тогда один из них с усмешкой сказал:

— Ваше Величество зрит в корень. Разбойники? Откуда взяться разбойникам! Это же чистой воды воины Государства Ляо, только переодетее!

Великая Сун, разумеется, тоже не оставалась в долгу.

Сегодня вы притворяетесь разбойниками, завтра мы прикинемся конными бандитами — так и истребляли друг друга.

Однако Сун не хватало лошадей и овец, а людям Ляо требовались шелк и зерно. Торговый обмен между странами был неизбежен, поэтому обе стороны, словно сговорившись, перенесли поле боя на Северо-Запад, а земли к северу от Шэнцзина открыли для свободной торговли купцов обоих государств.

Городок Лохэ как раз и лежал на стыке двух стран, являясь крупнейшим торговым поселением в Бэйчжили.

Добравшись до городка Лохэ, Тан Шэнь больше не стал прятаться в повозке. Он пересел на козлы к кучеру, чтобы получше разглядеть городок Лохэ.

<http://bllate.org/book/18292/1754533>